

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

**Протопресвитер
Иоанн Леонтьевич Янышев, как
профессор нравственного богословия
в СПб. Духовной Академии**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1899. № 11. С. 752-770.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

**СПбДА
Санкт-Петербург
2009**

Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ,

какъ профессоръ Нравственнаго Богословія въ Слб. духовной академіи (по поводу исполнившагося 50-лѣтія со дня окончанія имъ академическаго курса).

II ¹).

ПЕРЕХОДИМЪ къ указанію особенностей преподававшейся о. Іоанномъ Леонтьевичемъ системы науки «*Православно-христіанскаго ученія о нравственности*». Въ данномъ случаѣ будемъ имѣть въ виду у себя его книгу: «*Православно-христіанское ученіе о нравственности*» (Москва, 1887 г.) — и только, такъ какъ чтенія о. І. Л. Янышева о «*Сущности христіанства съ нравственной точки зрѣнія*» (СПб. 1877 г.) собственно вошли въ составъ вышеназванныхъ лекцій досточтимаго автора.

Во «введеніи» въ свою систему о. І. Леонтьевичъ прежде всего останавливаетъ свое вниманіе на «различныхъ названіяхъ науки», о которой идетъ рѣчь, и находитъ въ послѣднихъ «недостатокъ опредѣлительности» (стр. 7). Послѣ тщательнаго разбора такого рода названій досточтимый богословъ признаетъ полный смыслъ только за тѣмъ, какое стоитъ надъ его книгою. А разъ данная наука должна имѣть дѣло съ «нравственностью», необходимо выяснить послѣднюю, прежде всего, съ «этимологической» стороны. Это выясненіе находимъ во введеніи же къ книгѣ, о которой идетъ рѣчь. Здѣсь принимаются въ соображеніе обозначенія понятія «нравственность» на языкахъ: русскомъ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ. Въ

результатъ дается такое опредѣленіе «нравственности»: она «есть болѣе или менѣе прочное внутреннее настроеніе чело-вѣка, возбуждающее въ немъ самомъ извѣстныя пріятныя чувствованія и выражающееся въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ или поступкахъ». Отсюда и «задачей» данной науки «должно быть систематическое ученіе, во-первыхъ, о нравственности, какъ» указаннаго рода «настроеніи», а затѣмъ, «во-вторыхъ, о тѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ выражается это настроеніе». Въ виду же того, что о нравственности можно гово-рить не только въ приложеніи къ христіанамъ, но и въ отно-шеніи къ язычникамъ, разсматриваемая наука обязана вести рѣчь сначала «о нравственности вообще», а затѣмъ — «о нравственности православно-христіанской» (здѣсь предпола-гается указаніе чертъ, обособляющихъ послѣднюю отъ ино-славно-христіанской). Въ заключеніе она должна вести рѣчь «о проявленіяхъ христіанско-православнаго настроенія во внѣшней жизни». Такимъ образомъ намѣчаются три главныхъ части данной науки. При разработкѣ послѣднихъ она поль-зуется слѣдующими источниками: «1) самопознаніемъ» чело-вѣка «и основывающимися на немъ философскими науками, 2) священнымъ Писаніемъ, 3) священнымъ Преданіемъ, на-сколько оно выражено въ символическихъ книгахъ православ-ной церкви». Въ болѣе широкихъ размѣрахъ пользоваться данными священнаго Преданія не позволяетъ, къ сожалѣнію, «невоздѣланность» этого «поля наукою». Имѣютъ значеніе, конечно, и другія, второстепенныя уже, пособія. «Каждая нравственная истина» должна быть выяснена при помощи всѣхъ этихъ «источниковъ», которыми такимъ образомъ ясно «опредѣляется методъ нравственнаго богословія», при чемъ особенное вниманіе должно быть обращено на установленіе «порядка» въ дѣлѣ выясненія вопросовъ нравственности и на внесеніе духа единства въ «науку» (стр. 7—23).

При выясненіи «нравственности вообще» въ *первой части* своего курса чтеній о. Іоаннъ Леонтьевичъ начинаетъ дѣло съ характеристики «нравственной потребности въ человѣческой природѣ», «нравственнаго инстинкта, какъ неизвѣстной, но врожденной намъ, въ существѣ нашей природы лежащей, при-чины нашей нравственности» (стр. 27—32). Имѣя нравствен-ную потребность, человѣкъ «сознаетъ» ее подъ «формою чувства», именно «нравственнаго». Это послѣднее «есть не-посредственная, произвольная и субъективно-индивидуаль-

ная оцѣнка произвольныхъ намѣреній или дѣйствій воли, по-
 колику она проявляется въ этихъ конкретныхъ намѣреніяхъ и
 дѣйствіяхъ» (стр. 32—44). И такъ, «нравственная потреб-
 ность», «нравственное чувство»! Имѣя въ виду послѣднее,
 можно разумѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ одно изъ
 двухъ: или самыя «движенія» этого «чувства», «или тѣ на-
 мѣренія и дѣйствія, по поводу которыхъ» движенія «возни-
 кли». Когда имѣются въ виду такого рода движенія, тогда
 получается «матеріалъ для образованія понятія о *нравствен-
 номъ законѣ*». Когда же имѣются въ виду указанные «на-
 мѣренія и дѣйствія», тогда получается «матеріалъ для обра-
 зованія понятія о *нравственной свободѣ*». Если «обратить
 мышленіе на сочетаніе движеній нравственнаго чувства» другъ
 съ другомъ, то получится «матеріалъ для понятія о *чувствѣ
 долга*». Если же въ данномъ случаѣ вмѣсто «движеній нрав-
 ственнаго чувства» имѣтъ въ виду «сочетаніе отдѣльныхъ на-
 мѣреній и дѣйствій между собою», тогда является возмож-
 ность вести рѣчь о «матеріалѣ для понятій о *добродѣтели
 и порока* и о *нравственномъ характерѣ*». Наконецъ, «когда
 сознанию становятся присущи, съ одной стороны, нравствен-
 ный законъ и чувство долга, съ другой—такія или другія
 отдѣльныя намѣренія и дѣйствія, возбуждающія движенія
 этого чувства, тогда и самосознаніе получаетъ названіе *совѣ-
 сти*» (стр. 44).—Частныя опредѣленія каждаго изъ указан-
 ныхъ понятій, предлагаемыя о. Іоанномъ Леонтьевичемъ, та-
 ковы. «Нравственный законъ» опредѣляется имъ—какъ «пра-
 вило, обязывающее человѣка къ добрымъ намѣреніямъ и дѣй-
 ствіямъ силою его собственнаго нравственнаго чувства» (стр.
 48). «Чувство долга», не отличаемое досточтимымъ авторомъ
 отъ «нравственнаго чувства», по крайней мѣрѣ, со стороны
 его природы и существа, выясняется слѣдующимъ образомъ:
 «отдѣльныя движенія нравственнаго чувства не исчезаютъ
 безслѣдно изъ души, а сливаются между собою въ одно об-
 щее чувство, которое и есть чувство долга или, что тоже,
 чувство нравственной необходимости». Это «священное чув-
 ство возникаетъ въ нравственно-раскрытомъ сознаніи при
 одномъ» только «имени закона» и, такимъ образомъ, слу-
 житъ его поддержкой, опорой, обязывая человѣка, «испол-
 нять требованія закона» безъ всякихъ оговорокъ... (стр. 50).
 «Совѣсть», опредѣленіе которой уже преднамѣчено нѣсколько
 выше, «это есть одновременное сознаніе какъ свободныхъ на-

мѣреній и дѣйствій человѣка (предполагаемыхъ ли только, или совершающихся, или же совершившихся и только воспоминаемыхъ), такъ и тѣхъ движеній нравственнаго чувства, которыми сопровождаются эти намѣренія и дѣйствія» (стр. 90—91). Далѣе, «нравственная свобода», согласно съ опредѣленіемъ о. І. Леонтьевича, это — «ни отъ кого и ни отъ чего не зависящая сила» человѣка «или энергія самоопредѣленія въ отношеніи къ добру или злу» (стр. 106). «Всякое внѣшнее дѣйствіе получаетъ свое нравственное значеніе единственно отъ внутренняго акта рѣшимости или отъ свободно созданнаго добраго или злого хотѣнія» (стр. 121—122). По мѣрѣ все большаго и большаго «повторенія» подобнаго рода дѣйствій и проч. въ человѣкѣ постепенно «создаются» извѣстныя «духовныя качества, опредѣленное настроеніе, добрая или злая воля». Безотносительно къ «внѣшней формѣ проявленія», къ «поводамъ», къ «цѣлямъ», «эти нравственные качества могутъ быть разсматриваемы» уже «какъ одна сила (*virtus...*, *ἀρετή...*), какъ одинъ дѣятель, т. е., дѣятель или добра — блага, какъ добродѣтель, благодѣтель, или зла — злодѣтель, порокъ. Добродѣтель — настроеніе или воля, согласныя съ нравственнымъ закономъ; порокъ — настроеніе или воля, противная нравственному закону»... (стр. 122). Наконецъ, «нравственный характеръ», по словамъ о. І. Л-ча, это «настроеніе или добродѣтель, только достигшая высшей степени своей энергіи и такой ничѣмъ несокрушимой твердости и непреклонности, по которой на него можно всегда рассчитывать и положиться, какъ на самую вѣрную въ мірѣ нравственную силу» (стр. 130).—Такова «формальная сторона нравственности», въ ея пониманіи о. Іоанномъ Л-мъ.

«Матеріальная» же въ отношеніи къ ея «содержанію» «опредѣляется» отвѣтами на «вопросы»: «что именно одобряетъ или осуждаетъ мое нравственное чувство, чувство долга, моя совѣсть, или однимъ словомъ: что предписываетъ моей свободѣ и что запрещаетъ ей нравственный законъ, — въ какихъ качествахъ духа состоитъ добродѣтель или порокъ, — наконецъ, какія сочетанія добродѣтелей или пороковъ составляютъ такой или другой нравственно-добрый или злой характеръ?» (стр. 133)... Со стороны «нравственнаго закона» по адресу нравственной человѣческой свободы предъявляются «два основныя правила или требованія»: «именно развитіе и обнаруженіе духа, съ одной стороны, какъ самосознатель-

ной и свободной власти прежде всего надъ тѣломъ и всѣми психическими образованіями, зависящими отъ тѣла, а затѣмъ — посредствомъ тѣла — какъ власти и надъ внѣшнею природою, съ другой, какъ существа любящаго и въ своей любви справедливаго по отношенію къ другимъ разумно-свободнымъ личностямъ» (стр. 137). При исполненіи перваго «требованія», предъявляемаго человѣку нравственнымъ закономъ, возникаютъ въ немъ «добродѣтели: мудрость, трудолюбіе, воздержаніе, мужество (храбрость, терпѣніе)», короче — «самоуваженіе» въ истинномъ, лучшемъ смыслѣ этого слова (стр. 145 — 146). Это — съ одной стороны. Съ другой, при исполненіи того же «требованія» нравственного закона у человѣка получаютъ мѣсто «нормальное развитіе физическаго организма, здоровье и продолжительность жизни», — человѣкъ правильно рѣшаетъ вопросъ о своемъ «призваніи», получаетъ въ удѣлъ извѣстную «собственность» (= «имущество»), извѣстныя «земныя радости» и проч. (стр. 146 — 147). «Всѣ эти блага — необходимыя условія» и «естественный результатъ аскетическихъ добродѣтелей» (стр. 147). При осуществленіи человѣкомъ второго предписанія нравственного закона выступаютъ «уваженіе къ личности всякаго человѣка», «благожелательность» (стр. 166 — 167...), благодаря чему «усиливается и возвышается развитіе и аскетическихъ добродѣтелей», т. е., обусловливаемыхъ исполненіемъ со стороны человѣка перваго «требованія» нравственного закона (стр. 169). При осуществленіи того же все предписанія нравственного закона выступаютъ, наконецъ, въ качествѣ «объективныхъ нравственныхъ благъ общественные союзы» (стр. 169). Въ случаѣ же нарушенія того и другого предписаній нравственного закона возникаетъ «нравственное зло»: «чувственность, эгоизмъ», — заявляютъ о себѣ въ частности — «невѣжество и грубость, лѣнь, сластолюбіе и распутство, слабодушіе, самоуничиженіе, надменность и упрямство, — гордость, ложь и пристрастіе, зложелательность съ ея видами» (стр. 172 — 173).

Подводя итогъ обсужденію вопросовъ первой части науки о христіанской нравственности, о. І. Л — чѣ, какъ и естественно было ожидать, даетъ окончательное «понятіе о нравственности вообще». Оно таково: «быть нравственно-добрымъ значить, — съ формальной стороны, — быть сознательною силою самоопредѣленія, въ себѣ самой носящую нравственный законъ своей дѣятельности и сознаніе ея согласія съ этимъ

закономъ, а съ реальной,—быть разумною властію по отношенію ко всему безличному или матеріальному, и любовію и справедливостію по отношенію ко всѣмъ другимъ личностямъ»... (стр. 173—174).

Въ заключеніи первой части чтеній о. І. Л—ча находимъ параграфы: одинъ объ «эвдемонизмѣ Аристиппа, Эпикура и Шотландской школы» (стр. 174—180), другой, предлагающій «замѣчанія объ основаніяхъ Кантовой морали» (стр. 180—186), и третій, рѣшающій вопросъ: «предположеніе нравственной потребности есть ли *contradictio in adjecto*?» (стр. 186—189).

Во второй части своихъ лекцій о. І. Л—чъ говоритъ, какъ сказано нами въ своемъ мѣстѣ, «о нравственности христіанской» и, въ частности, свою рѣчь начинаетъ указаніемъ «религіозной и догматической точки зрѣнія на предметъ» (стр. 193...), а затѣмъ—установленіемъ «понятія о спасеніи въ связи съ понятіемъ о нравственности вообще», при чемъ намѣчаетъ «три главныхъ» пункта въ церковномъ ученіи о спасеніи» (стр. 197...). Эти пункты [«поврежденіе нравственной природы человѣка въ паденіи,—объективное спасеніе человѣка Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ и объективно-субъективное спасеніе человѣка» (стр. 200)] затѣмъ и опредѣляютъ собою планъ данной, т. е., второй, части разсматриваемыхъ нами «лекцій» о. Протопресвитера, такимъ образомъ, состоящей изъ трехъ главныхъ параграфовъ.

Въ первомъ изъ нихъ, трактующемъ объ измѣненіи «нравственной природы человѣка» послѣ и вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей,—въ частности, сначала опредѣляется глубина, степень «поврежденія», о которомъ у насъ идетъ рѣчь (стр. 201—209), а затѣмъ раскрывается и другая сторона, противоположная, именно выясняется, что въ человѣкѣ и послѣ грѣхопаденія остались вѣкоторые добрые задатки, благодаря чему и въ отношеніи къ нему можно говорить, по крайней мѣрѣ, «объ относительно-доброй нравственности», какою они могли заявлять себя, слѣдуя (евреи) велѣніямъ «Моисеева нравственнаго закона» или (язычники) только «естественнаго» (стр. 209—214).

Во второмъ параграфѣ, трактующемъ, какъ сказано выше, объ «объективномъ спасеніи человѣка Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ», прежде всего дается «понятіе» о такого рода «спасеніи» (стр. 215), «совершенномъ безъ всякаго

участія со стороны» человѣка, «независимо отъ него», «и изъясняемомъ въ двухъ отношеніяхъ: а) какъ явленіе на землѣ живого образца нравственнаго добра въ жизни Спасителя міра и б) какъ дѣйствія Духа Христова или спасительной благодати на нравственную природу человѣка, дѣлающія его способнымъ къ пониманію и осуществленію этого добра» (ibid). — Установивъ подобный взглядъ на «объективное спасеніе человѣка», о. І. Л — чѣ далѣе естественно и ведетъ рѣчь объ Иисусѣ Христѣ, какъ Образцѣ для человѣческаго поступанія, въ частности — рѣшая вопросъ: «въ какомъ смыслѣ земная жизнь Спасителя міра служитъ образцомъ человѣческой нравственности» (стр. 215—221), — и характеризуя «нравственность въ лицѣ Спасителя міра съ ея формальной стороны» (стр. 221 — 225) и затѣмъ «матеріальной» (стр. 225—235). Слѣдуя намѣченному выше порядку, въ дальнѣйшей части своихъ лекцій о. І. Л — чѣ рассматриваетъ вопросъ о «благодати» (стр. 235 — 284). — *«Въ васъ должны быть тѣже чувствованія* (тоже внутреннее настроеніе, покуда оно зависитъ отъ вашей свободы), *какія и во Христѣ Иисусѣ*: вотъ въ какомъ смыслѣ Иисусъ Христосъ есть образецъ нравственнаго добра и предметъ подражанія для христіанина» (стр. 220)! Такъ рѣшаетъ о. І. Л — чѣ вышеотмѣченный вопросъ. По вопросу о «нравственности въ лицѣ Спасителя съ ея формальной стороны» онъ утверждаетъ, что «существованіе въ человѣческой природѣ Иисуса Христа нравственной потребности» не подлежитъ сомнѣнію (стр. 221); слѣдовательно, тоже надлежитъ сказать и о всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ моментахъ, какіе вытекаютъ изъ наличности въ человѣческой природѣ той потребности и такъ или иначе ею обуславливаются (стр. 222...). При этомъ, однакожъ, всегда надлежитъ имѣть въ виду, что «всѣ формальныя свойства нравственности человѣческой въ лицѣ Спасителя міра являются въ ихъ нормальной чистотѣ и совершенствѣ»... (стр. 225). Тоже, конечно, надлежитъ сказать и «свойствахъ матеріальныхъ»: въ лицѣ І. Христа мы видимъ идеальное отношеніе Его къ «индивидуальнымъ» и «общественнымъ» потребностямъ (стр. 225...). — Благодать, поскольку она — предметъ Нравственнаго Богословія, есть «сила, даруемая человѣку и дѣйствующая въ его душѣ независимо ни отъ какихъ съ его стороны заслугъ или усилій, и въ этомъ смыслѣ относится къ объективному спасенію человѣка» (стр. 241); она «при-

зываетъ», «оправдываетъ» и «освящаетъ челоуѣка» (стр. 256), ставить его «въ среднее между добромъ и добродѣтелью состояніе» (стр. 283), «между двумя распутіями», такъ что «ему предлежитъ» уже самому сдѣлать «рѣшительный выборъ» (стр. 283)...

Третій параграфъ (и послѣдній) своимъ предметомъ имѣетъ «объективно-субъективное спасеніе челоуѣка», какъ это уже и было намѣчено нами выше. Здѣсь разъясняется то, что, при содѣйствіи божественной благодати, можетъ сдѣлать на пути къ своему спасенію самъ челоуѣкъ? — Сначала рѣчь идетъ о «покаяніи и вѣрѣ», какъ первыхъ моментахъ «христіанской жизни» (стр. 284—291), «составляющихъ двѣ стороны одного нераздѣльнаго акта обращенія челоуѣка ко Христу»... (стр. 291). Затѣмъ «процессъ обращенія» выясняется изъ разсмотрѣнія «евангельской притчи о блудномъ сынѣ» (стр. 291...), при чемъ указываются въ частности «три момента»: одинъ—«возбужденіе челоуѣка евангельскою благодатію», другой—«дѣйствительное склоненіе свободы челоуѣка на послѣдованіе евангельскому призыванію, первый зародышъ покаянной вѣры»... и третій—«результатъ борьбы между живущимъ въ челоуѣкѣ зломъ и влеченіемъ евангельской благодати, какъ заключительный моментъ зарожденія покаянной вѣры или обращенія» (стр. 293). За обращеніемъ слѣдуетъ «возрожденіе въ св. таинствахъ крещенія и миропомазанія или частиѣ: оправданіе и освященіе» (стр. 301...). Отнынѣ челоуѣку остается все далѣе и болѣе совершенствоваться и нравственно—укрѣпляться до возможной для него на землѣ и въ земныхъ условіяхъ степени (стр. 311...). Условія, благопріятствующія и содѣйствующія «возрастанію христіанской жизни», таковы: «храненіе и питаніе въ себѣ духа ревности о жизни по волѣ Божіей» (стр. 311...), «упражненіе орудныхъ силъ въ благочестіи» (стр. 316...) и «борьба съ искушающимъ христіанина зломъ» (стр. 324...)... По «нѣкоторымъ признакамъ» (напр., по мѣрѣ того, какъ «та сторона покаянной вѣры, которая составляетъ собственно покаяніе, мало-по-малу отступаетъ въ сознаніи челоуѣка на второй планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаются въ немъ положительныя качества вѣры»... и проч. и проч.) можно судить о степени «возрастанія христіанской жизни» (стр. 328—330). «Предѣломъ» же, до котораго долженъ стремиться достигнуть здѣсь «на землѣ христіанинъ, служить его идеальная свобода, невоз-

возможность для него грѣха, съ одной стороны, и съ другой — полное раскрытіе и укрѣпленіе всѣхъ его силъ въ добръ, словомъ: нравственное совершенство» (стр. 330). «Совершенство» человѣка (ср. Мѡ. V, 48), — можно «гадать», — будетъ «возрастать вѣчно», слѣдовательно, и за гробомъ... (стр. 331).

При разсмотрѣніи «лекцій» о. Іоанна Леонтьевича обращаютъ на себя наше вниманіе многія ихъ особенности.

Мы изложили ихъ содержаніе весьма и весьма кратко; скорѣе — мы только намѣтили наиболѣе существенные ихъ пункты и, при томъ, по большей части словами самого ихъ автора, чтобъ каждый читатель видѣлъ, что ничего отъ себя не навязываемъ досточтимому, рассматриваемому нами, богослову.

При ознакомленіи съ системою послѣдняго прежде всего заявляетъ о себѣ читателю изумительная послѣдовательность развиваемыхъ и раскрываемыхъ въ лекціяхъ положеній: за однимъ слѣдуетъ другое, за этимъ — третье... съ такою же внутреннею послѣдовательностью, съ какой изъ сѣмени, напр., вырастаетъ большое дерево, изъ яйца — огромное животное... Этими — яйцами, сѣменами, какъ мы видѣли, здѣсь является «нравственная потребность», дающая ключъ къ пониманію «нравственнаго чувства», «чувства долга», «нравственнаго закона» и проч. (ср. у насъ выше). Характеристика «матеріальной стороны нравственности», въ свою очередь, представляетъ собою единое цѣлое, части котораго тѣснѣйшимъ образомъ переплетены между собою, а также и съ тѣмъ цѣлымъ, какое образуютъ собою отдѣльные моменты «формальной стороны нравственности» въ ихъ выясненіи о І. Л — мѣ: опредѣленіе нормальнаго отношенія человѣка къ себѣ и къ окружающей его области, — отношенія, указываемаго нравственнымъ его — человѣка — чувствомъ..., — вотъ все, чѣмъ наполняется данная, т. е., «матеріальная», «сторона», о которой идетъ рѣчь... Ту же строгую послѣдовательность въ раскрытіи положеній видимъ и далѣе. Выяснивъ «нравственность вообще», т. е., поскольку о ней можно говорить не только въ отношеніи къ христіанину, но и въ отношеніи ко всякому человѣку безъ исключенія, кто бы онъ ни былъ, какую бы религію онъ ни исповѣдывалъ и пр., — и приступая къ характеристикѣ нравственности въ ея освѣщеніи христіанствомъ, досточтимый о І. Л — чѣ ведетъ свое выясненіе, такъ сказать, въ исторической послѣдовательности дѣла: характеризуетъ че-

ловѣка, какъ нравственное существо, въ періодъ его жизни, начавшійся послѣ райскаго грѣхопаденія и продолжавшійся до явленія Христа-Спасителя, и затѣмъ въ періодъ, началомъ котораго служить для человѣка его обращеніе ко Христу, а концомъ — переходъ изъ земной жизни въ загробную. При этомъ всюду, гдѣ есть возможность, обособляетъ «объективный» моментъ въ исторіи «спасенія» человѣка отъ «субъективнаго» и проч. Короче сказать: въ «лекціяхъ» излагается въ послѣдовательномъ, историческомъ порядкѣ жизнь, именно нравственная жизнь человѣка вообще, человѣчества за все время его существованія на землѣ. — Стройности, послѣдовательности, находимой нами въ данныхъ «лекціяхъ», выдержанной до послѣднихъ, можно сказать, мелочей и дѣлающей усвоеніе хода мыслей автора сравнительно весьма легкимъ, нельзя не удивляться: такъ она вообще рѣдка въ сочиненіяхъ, преслѣдующихъ подобнаго рода задачи...

Затѣмъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя «лекцій» всюду въ нихъ проглядывающая точность и правильность опредѣленій тѣхъ или другихъ нравственныхъ понятій. Эта точность на-лицо всюду, что-бы мы ни взяли «нравственную» ли «потребность», или «нравственное чувство», «чувство долга», «нравственный законъ», «нравственную свободу», «нравственный характеръ», «добродѣтель и порокъ», «совѣсть» и проч. и проч. Эта точность, очевидно, далась о. І. Л — чу не вдругъ, является плодомъ продолжительныхъ его усилій уяснить себѣ тотъ или другой вопросъ. Сколько ни приходилось намъ (а приходилось и приходится «многое множество») читать системъ науки «Нравственнаго Богословія», почти нигдѣ мы не встрѣчали такой точности въ опредѣленіи тѣхъ или иныхъ понятій, — точности, которая заявляла бы о себѣ не разъ и не два, а рѣшительно всюду. Еслибъ не боялись слишкомъ увеличить объемъ своей статьи, мы могли бы привести самыя наглядныя тому доказательства, сопоставивъ опредѣленія понятій, предлагаемая, съ одной стороны, о. І. Л — мъ, и, съ другой, тѣми или иными русскими, кромѣ него, и иностранными богословами — моралистами. Впрочемъ, говоря это, мы не то хотимъ сказать, что у другихъ, кромѣ о. І. Л — ча, богослововъ-моралистовъ будто бы вообще нѣтъ точныхъ, даже весьма точныхъ опредѣленій извѣстныхъ нравственныхъ понятій, а лишь только то, что почти ни у одного изъ нихъ нѣтъ такого рода точности на протяженіи всей ихъ

системы данной науки (ср. немного выше). Особенно блестящи опредѣленія въ отдѣлѣ, характеризующемъ «нравственность вообще» съ ея «формальной» стороны. Прежде, чѣмъ дать какое-либо опредѣленіе, о. І. Л.—чѣ весьма тщательно обдумывалъ рѣшительно каждое слово, особенно если оно могло подать поводъ къ двусмысленному пониманію дѣла, старался не сказать чего либо лишняго, такъ какъ всѣ подобнаго рода опредѣленія должны быть по возможности кратки и отъ излишняго многословія весьма страдаютъ,—но въ тоже время избѣгалъ и противоположной крайности... Напр., развѣ не прекрасно опредѣленіе «нравственного закона», какъ «правила, обязывающаго человѣка къ добрымъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ силою его собственнаго нравственнаго чувства» (стр. 48) и проч. и проч. (ср. у насъ выше)?! Воздавая похвалы о. І. Л.—чу,—конечно, мы всегда имѣемъ въ виду, что предшествовавшія его системѣ различныя системы данной науки, особенно иностранныя, много помогли ему разобраться въ дѣлѣ, многое могли ему выяснить и проч., но это обстоятельство, само собою понятное (: всякій дальнѣйшій изслѣдователь строить зданіе, пользуясь сдѣланными до него работами, благодаря чему оно поднимается все выше и выше къ своему концу, между тѣмъ какъ если бы каждый начиналъ дѣло обязательно съ самаго перваго кирпича и проч., тогда всѣ толклись бы, если позволительно такъ выразиться, на одномъ только мѣстѣ), не набрасываетъ на него рѣшительно никакой тѣни, тѣмъ болѣе, что случаи заимствованій съ его стороны у тѣхъ или иныхъ мыслителей имѣ обыкновенно всегда точно отмѣчаются...

Изъ отдѣльныхъ вопросовъ, раскрываемыхъ въ системѣ о. І. Л.—ча, отличающейся, какъ мы только что отмѣтили, строгою послѣдовательностію въ развитіи и раскрытіи своей задачи и точностью содержащихся въ ней — системъ — опредѣленій тѣхъ или другихъ нравственныхъ понятій, могутъ быть отмѣчены здѣсь слѣдующіе (хотя трудно съ точностію и рѣшительностію сказать, какіе изъ нихъ лучше и какіе сравнительно хуже обработаны и раскрыты—до такой степени было внимательно отношеніе къ нимъ характеризуемаго нами отечественнаго богослова—моралиста!).

Во первыхъ, обращаетъ на себя особое вниманіе параграфъ, обсуждающій цѣнность «различнаго» рода «названій науки» (сравн. у насъ выше). Этихъ названій суще-

ствуешь много, и не безразлично въ научномъ смыслѣ употребленіе того или иного изъ нихъ. Наиболѣе точнымъ, наиболѣе полно и правильно выражающимъ смыслъ, задачи... данной науки, конечно, можетъ быть только какое-либо одно изъ существующихъ наименованій, а если ни одно изъ нихъ не является таковымъ, тогда надлежитъ придумать его. Обиліе наименованій, происхожденіе которыхъ различно, между прочимъ, говорить не въ пользу современнаго состоянія науки, вносить въ нее путаницу и туманъ. Всякое имя вещи должно давать по возможности достаточное представленіе о послѣдней, ея наиболѣе характерныхъ особенностяхъ. Такое имя для нашей науки о. І. Л.—чь съ настойчивостью и указываетъ. Можно, конечно, и употребляя неточное, но освященное временемъ, наименование, соединять съ нимъ условный смыслъ, именно надлежащій, но зачѣмъ поступать такъ, коль скоро есть возможность пользоваться наименованіемъ точнымъ? Впрочемъ, уже и нѣкоторые другіе обнаружили склонность въ пользу послѣдняго [чит., напр., у о. І. Кочетова: *«Черты дѣятельнаго ученія въры или ученіе о христіанской нравственности»*; у о. Фаворова: *«Ученія о христіанской нравственности»*; особенно у проф. М. А. Олесническаго: *«Нравственное Богословіе или христіанское ученіе о нравственности»* и пр. (ср. заглавіе только что вышедшей въ свѣтъ учебной книжки по данной наукѣ г. С. Никитскаго...)].

Во вторыхъ, нельзя не указать на параграфъ, выясняющій «понятіе о нравственности» путемъ «этимологическимъ» (стр. 15...). Это—путь плодотворный, могущій привести изслѣдователя къ очень серьезнымъ результатамъ. И дѣйствительно, не смотря на то, что данный параграфъ въ «лекціяхъ», о которыхъ идетъ рѣчь, сравнительно невеликъ (что, конечно, объясняется необходимостью надлежащей соразмѣрности частей курса ихъ), выводъ по вопросу о нравственности, въ немъ предлагаемый, поучителенъ (ср. стр. 18) и даетъ толчокъ всякому желающему для дальнѣйшихъ разысканій. Еслибъ кто либо взялъ на себя задачу сдѣлать послѣднія съ возможною обстоятельностью, вооружившись для этого солидными филологическими познаніями..., то онъ, безспорно, оказалъ бы наукѣ о нравственности важную услугу. А пока нужно быть благодарными тѣмъ, кто что-либо уже сдѣлалъ въ этомъ направленіи...

Въ третьихъ, въ данныхъ лекціяхъ интересно освѣщены вопросы: о такъ называемомъ «столкновеніи обязанностей»

(*collisio officiorum*), о такъ называемыхъ «адіафорахъ» (*ἀδιαφορα*), о «безусловной обязательности нравственного закона»... Въ отвѣтъ на первый вопросъ дается отвѣтъ: «судя принципиально и строго, не существуетъ никакихъ условій къ тому, чтобы обязанности могли столкнуться между собою, т. е., чтобы одна изъ нихъ могла когда либо препятствовать исполненію другой или чтобы нельзя было исполнить какую либо обязанность безъ одновременнаго нарушенія другой (стр. 61). По поводу второго вопроса читаемъ: «одинаково невѣрно а) какъ то, чтобы какія бы то ни было сознательныя и свободныя дѣйствія чловѣка могли быть въ нравственномъ отношеніи безразличны, такъ б) и то, чтобы нравственно-дозволенные дѣйствія могли быть въ нравственномъ отношеніи также безразличными» (стр. 63). По третьему вопросу о. І. Л—чъ говоритъ: «высшее нравственное совершенство есть долгъ для каждаго христіанина. Не исполняя этого долга, христіанинъ нарушаетъ законъ; исполняя его, онъ не дѣлаетъ ничего, превышающаго требованія закона»... Отсюда нѣтъ основаній говорить «ни о такомъ нравственномъ совершенствѣ, которое, не будучи обязательно ни для кого, только будто бы совѣтуется нѣкоторымъ, ни о какихъ либо сверхдолжныхъ дѣлахъ или заслугахъ, приобрѣтаемыхъ тѣми, которые берутъ на себя подвиги, будто бы не обязательныя для всѣхъ»... (стр. 58).

Въ четвертыхъ, съ огромнымъ интересомъ читаются параграфы, подробно знакомящіе читателя съ отличительными чертами направленій, извѣстныхъ подъ именемъ «номизма и антиномизма» (стр. 67...; ср. у насъ выше). Эти отличительныя черты указаны мастерски, при чемъ соблюдена возможная краткость рѣчи (по поводу §§ 15—16 см. стр. 4).

Въ пятыхъ, слѣдуетъ выдѣлить отдѣлъ «лекцій», трактующій объ Іисусѣ Христѣ, какъ «Образцѣ», показывающемъ, какъ намъ надлежитъ созидать свою нравственную жизнь (стр. 215...; ср. у насъ выше). Этотъ, тщательно составленный, отдѣлъ заслуживаетъ всякаго вниманія. Матеріалъ, какой имѣется по данному вопросу въ боговдохновенныхъ библейскихъ книгахъ, извлеченъ о. Іоанномъ Л—мъ въ весьма достаточномъ количествѣ и освѣщенъ вполне желательнымъ образомъ, свидѣтельствуя о глубокомъ проникновеніи этого нашего богослова-моралиста въ духъ Слова Божія.

Въ шестыхъ, преимущественное вниманіе читателя привлекаетъ къ себѣ отдѣлъ, выясняющій христіанское ученіе о

божественной «благодати». Данный вопросъ чрезвычайно труденъ, съ чѣмъ согласится, конечно, всякій, кто хоть сколько-нибудь съ нимъ знакомился. Отсюда чья либо авторитетная попытка изслѣдовать его съ возможною обстоятельностью можетъ быть и должна быть искренно привѣтствуема. Въ «лекціяхъ» о. І. Л—ча обсужденію вопроса о благодати посвященъ весьма значительный отдѣлъ (стр. 235—284: 50 страницъ убористой печати). Сначала опредѣляется «значеніе слова»—благодать—«вообще и, въ частности, какъ предмета нравственнаго богословія» (стр. 235...). Здѣсь привлекаются обозначенія даннаго понятія, существующія на языкахъ — греческомъ, латинскомъ, еврейскомъ, — анализируются мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, гдѣ слово «благодать» встрѣчается... Далѣе указываются «двоякаго рода недоумѣнія, возбуждаемыя догматическимъ ученіемъ о благодати, какъ о спасительной силѣ» (стр. 241...), разсматривается «ученіе догматическаго богословія о дѣйствіяхъ, совершаемыхъ благодатію въ душѣ человѣка» (стр. 242...), дается «указаніе независимыхъ отъ воли человѣка дѣйствій спасающей благодати, на основаніи ученія догматическаго богословія пр. Антонія объ этихъ дѣйствіяхъ» (стр. 248...), характеризуется «догматическое ученіе о средствахъ, которыми сообщается благодать», и отмѣняется «его неудовлетворительность» (стр. 257...)..., отмѣчается «намекъ на различные виды благодати въ Посланіи Восточныхъ Патріарховъ» (стр. 262...), говорится о «благодати всеобщей или промыслительной и ея дѣйствіяхъ» (стр. 264...), о «благодати особенной или евангельской» (стр. 269...) и «дѣйствіяхъ» послѣдней (стр. 278...). Какъ уже видно изъ только что сказаннаго, въ «лекціяхъ» предлагается по возможности разностороннее обсужденіе вопроса о божественной благодати. И это обсужденіе по степени ученой его серьезности надлежитъ считать въ нашей богословской наукѣ пока единственнымъ. Жаль только, что характеръ чтеній о. І. Л—ча, его намѣренія, ясно имъ выраженные (стр. 22), были причиной того, что у него мы не находимъ болѣе или менѣе подробнаго, даже хоть какого либо очерка святоотеческаго ученія о божественной благодати. Дѣло ознакомленія съ этимъ послѣднимъ, еслибъ только досточтимый богословъ взялъ на себя подобную задачу, было бы, надѣмся, прекрасно осуществленнымъ, какъ превосходно вообще все, что выходитъ изъ подъ пера о. І. Л—ча. А пока систематическаго изло-

женія, выясненія святоотеческаго ученія о данномъ предметѣ (выдержекъ изъ святоотеческихъ твореній, которыми, т. е., выдержками, въ той или иной степени наполнены наши догматическія системы, въ расчетъ не принимаемъ: эти выдержки обыкновенно отрывочны, иногда случайны, цѣльнаго представленія дѣла не даютъ) мы не имѣемъ, о чемъ приходится особенно жалѣть въ виду того, что подобные опыты на Западѣ уже существуютъ (имѣемъ въ виду отчасти — извѣстный, не всегда знакомящій съ истиннымъ положеніемъ дѣла, трудъ Luthardt'a, а еще болѣе — обстоятельный и общеизвѣстный, хотя не всегда объективный, трудъ Werner'a и др.) и окрашены въ той или иной степени субъективнымъ характеромъ; слѣдовательно, окончательно положиться на нихъ нѣтъ всегда возможности. Что же касается о. І. Л—ча, то мы ему весьма благодарны за то, что онъ далъ намъ, и не въ правѣ хотя сколько нибудь упрекать его за то, чего онъ не намѣренъ былъ (по уважительнымъ причинамъ: чит. стр. 22) давать... Мы можемъ только пожалѣть о томъ, что въ «лекціяхъ» о. І. Л—ча нѣтъ тѣхъ или иныхъ параграфовъ, видѣть которые въ тѣхъ было бы для читателя пріятно и для самой науки весьма полезно... Чтобы послѣ снова не заводить о томъ же рѣчи, здѣсь же попутно выскажемъ свое сожалѣніе и по поводу отсутствія въ «лекціяхъ» о. І. Л—ча очерка, въ которомъ обозрѣвалась бы исторически «судьба» данной науки, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго включительно (т. е., до года выхода «лекцій» въ свѣтъ). Этотъ очеркъ, между тѣмъ, былъ бы весьма полезенъ и безусловно цѣненъ въ виду умѣнья досточимаго о. І. Л—ча прекрасно характеризовать различныя системы нравственнаго богословія (чит. стр. 134, 127, 128, 129 и мног. друг.).

Въ седьмыхъ, весьма цѣнными въ «лекціяхъ» параграфами являются тѣ, гдѣ подвергаются критикѣ различныя воззрѣнія тѣхъ или другихъ философовъ: «Аристиппа, Эпикура», представителей «Шотландской школы» (стр. 174...), «Канта» (стр. 180...), «Ульрици» (стр. 186...), «Чичерина» (стр. 99...) и друг. (стр. 114 и пр.). Критическая оцѣнка философскихъ мнѣній ведется со свойственными о. І. Л—чу умѣньемъ и осторожностію и, притомъ, кратко, но вполне содержательно. Она стоитъ въ связи съ самымъ ходомъ мыслей данныхъ «лекцій», и потому характеръ ея отличается полнѣйшею естественностію; о какой-либо натянутости, предвзятости сужде-

ній... не можетъ быть и рѣчи.—Тѣми же особенностями отличается и дѣлаемая о. І. Л—мъ критическая оцѣнка мнѣній различныхъ богослововъ, напр., архіеп. Антонія, архіеп. Филарета Черниг., митропол. Макарія—авторовъ догматическихъ системъ (см. вопросъ о «благодати»)... Догматической системы еп. Сильвестра еще не было въ то время ¹⁾, когда писались данныя «лекціи», а потому о ней въ послѣднихъ нѣтъ и рѣчи.—Введеніе въ «лекціи» критическаго элемента, очевидно, потребовало отъ автора продолжительной и вдумчивой предварительной работы и огромныхъ богословско-философскихъ познаній.

Не перечисляя другихъ параграфовъ, останавливающихъ на себѣ особенное вниманіе читателя [потому что иначе пришлось бы имѣть дѣло, пожалуй, со всѣми, находящимися въ «лекціяхъ» (ср. выше)], мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что весьма цѣнными пунктами въ первой части «лекцій» о. І. Л—ча являются тѣ, гдѣ извѣстныя нравственныя понятія освѣщаются съ точки зрѣнія данныхъ Слова Божія (стр. 43, 44, 48, 49, 52, 58, 59... и весьма мног. друг.). Это тѣмъ болѣе важно, что въ указанной части, какъ уже было въ свое время говорено, характеризуется не специально христіанская нравственность, а «нравственность вообще», о которой, слѣдовательно, можно говорить въ приложеніи ко всѣмъ людямъ безъ изыятія. Изъ отмѣчаемыхъ нами въ настоящемъ случаѣ пунктовъ, такимъ образомъ, можно видѣть, что естественный нравственный законъ и откровенный не чужды другъ другу, не и сключаютъ одинъ другого, а скорѣе — наоборотъ — суть законы одного и того же Лица, т. е., Бога.

О томъ, согласны ли мы лично со всѣми положеніями «лекцій» о. Іоанна Леонтьевича, или нѣтъ, въ настоящемъ случаѣ говорить не будемъ: цѣль, преслѣдуемая данной статьей, совсѣмъ другая, а кромѣ того, досточтимый богословъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова: мы надѣемся, что еще увидимъ полный курсъ данной науки, усовершенствованный и изданный имъ самимъ лично... А теперь пока, — заканчивая рѣчь о нашемъ досточтимомъ учителѣ, — скажемъ, что появленіе его «лекцій» въ печати—эпоха въ исторіи науки Нравственнаго Богословія у насъ въ Россіи. До ихъ появленія у насъ,—можно смѣло сказать,—не было въ разсматриваемой

¹⁾ 4-й томъ системы еп. Сильвестра, гдѣ идетъ рѣчь о благодати, вышелъ въ 1889 только году.

нами области ничего подобнаго по научной цѣнности. Всѣ, предшествовавшіе «лекціямъ» о. І. Л—ча, опыты построенія науки о православно-христіанской нравственности, общеизвѣстны, и много говорить о нихъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Это (не будемъ указывать болѣе старыхъ) — труды: *Иннокентія, еп. пензенскаго*: «*Божественное правовѣдѣніе, или Богословіе дѣятельное, имѣющее предметомъ обязанности православнаго христіанина* (писанное на латинскомъ языкѣ въ видѣ уроковъ для духовнаго юношества и переведенное на русскій яз. проф. Ив. Андріевскимъ; Спб. 1848 г. ¹); *о. Іоакима Кочетова*: «*Черты дѣятельнаго ученія въры, или краткое ученіе о христіанской нравственности, изложенное въ духъ православной греко-россійской Церкви*» (изд. 3-е; Спб. 1842 г.) ²); *архим. Платона*: «*Православное Нравственное Богословіе*» (изд. 2-е; Москва, 1855 г.) и *протоіерея П. Солярскаго*: «*Записки по Нравственному Православному Богословію*» (Спб. 1860 г. 1862 г. 1864 г.; т. I—III). Другихъ опытовъ построенія данной науки изъ времени, предшествовавшаго появленію (въ отлитографированномъ видѣ) «лекцій» о. І. Л—ча, не видимъ надобности называть, за исключеніемъ развѣ «*Очерковъ нравственнаго православно-христіанскаго ученія*» *прот. Оаворова* (1868 г. 3-е изд. Кіевъ). Впрочемъ, и о послѣднихъ упоминаемъ лишь только мимоходомъ, такъ какъ въ нихъ, — въ виду ближайшихъ ихъ читателей-студентовъ университета, — преподается собственно «млеко» — и только, но не «твердая пища», чего желали бы видѣть въ его книгѣ другіе читатели. Что же касается остальныхъ, перечисленныхъ нами, системъ науки Нравственнаго Богословія, то первая изъ нихъ, принадлежащая еп. Иннокентію, не можетъ быть названа строго самостоятельною, что открывается изъ внимательнаго сопоставленія ея съ сочиненіями: *Буддея* («*Institutiones theologiae moralis*». Lipsiae. 1727) и *Мозейма* («*Sittenlehre der heil. Schrift*». Helmst. 1735—1753), которыми въ былыя времена у насъ вообще нерѣдко и щедро пользовались. При томъ, данная система проникнута схоластическимъ духомъ. Нравственныя истины раскрываются въ ней обыкновенно внѣшнимъ обра-

¹) Въ первый разъ „Богословіе дѣятельное“ появилось въ свѣтъ въ 1819 г.

²) 1-е изд. относится къ 1824 г.

зомъ, путемъ подбора соотвѣствующихъ библейскихъ положеній безъ попытки болѣе или менѣе замѣтнаго углубленія въ ихъ сокровеннѣйшій смыслъ, ихъ обоснованія и пр. Однако, говоря эго, мы нимало не думаемъ набрасывать тѣни на почтеннѣйшаго и уважаемѣйшаго автора системы, такъ какъ онъ въ данномъ случаѣ былъ лишь сыномъ своего времени и естественно не могъ дать больше, чѣмъ далъ. Система о. І. Кочетова въ научномъ отношеніи стоитъ гораздо выше только-что разсмотрѣнной, но недостатки послѣдней присущи и ей, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ: болѣе или менѣе значительнаго углубленія въ раскрываемое авторомъ положеніе встрѣтить почти не приходится; всюду почти, напротивъ, заявляетъ о себѣ чисто виѣшнее только раскрытіе вопросовъ, въ лучшихъ случаяхъ виѣшне-обоснованное при помощи данныхъ Слова Божія, а то такъ и просто голословное и ничего въ сущности не говорящее, проникнутое духомъ схоластическихъ пріемовъ и проч. и проч. Чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, для этого стоитъ открыть книгу на какой-либо страницѣ. Открываемъ, напр., на 145-й, гдѣ и находимъ рѣчь о «столкновеніи обязанностей». Въ разъясненіе вопроса находимъ только слѣдующее: коллизіи «легко разрѣшаются тѣмъ правиломъ благоразумія, что болѣе важное, полезное и необходимое должно исполнять предпочтительно предъ менѣе важнымъ, полезнымъ и необходимымъ». И все. Другими словами: сказано только то, въ чемъ и не было никакой нужды, а что слѣдовало разъяснить, то оставлено безъ всякаго поясненія... Еслибъ не боялись слишкомъ удлинить свою статью, то мы могли бы наводить ея подобными примѣрами изъ книги о. І. Кочетова, для своего времени, впрочемъ, книги почтенной, хотя и далеко не всецѣло удовлетворительной по существу. О системѣ архим. Платона совершенно правильно замѣчается въ одной статьѣ «Православнаго Собесѣдника»: «она носитъ на себѣ слѣды построенія этой науки нашими богословами московской и лаврской семинаріи» (слѣдовательно, не отличается самостоятельностью), «которые, въ свою очередь, заимствовали схему построенія у католическихъ богослововъ, выходившихъ въ изложеніи нравоученія изъ идеи закона и обязанностей» ¹⁾... Схоластичность источниковъ отразилась на

¹⁾ „Правосл. Собес.“ 1875 г. Апрѣль: „Первоначальное происхожденіе науки о христіанскомъ нравоученіи и краткая ея исторія“. Г., стр. 387.

характеръ и разсматриваемой системы. Несамостоятельна въ извѣстной степени и система науки, составленная о. Солярскимъ, «руководившимся» въ данномъ случаѣ «Риглеромъ» ¹⁾. Научнаго обсужденія нравственныхъ вопросовъ у о. Солярскаго не находимъ. Недостатки прежнихъ системъ въ той или иной степени повторяются и здѣсь. Большимъ, повидимому, достоинствомъ книги является обиліе имѣющихся въ ней выдержекъ изъ твореній свв. Отцовъ и Учителей Церкви, но, къ сожалѣнію, эти выдержки обыкновенно отрывочны и не всегда умѣстны, если брать ихъ въ контекстѣ рѣчи того или другого христіанскаго писателя... «Лекціи» о. І. Л—ча, повторяемъ, явленіе въ нашей богословской литературѣ совершенно новое [: о какой-либо схоластичности въ отношеніи къ нимъ говорить уже невозможно; онѣ, какъ мы видѣли, преслѣдуютъ въ качествѣ главнѣйшей своей цѣли выясненіе нравственности съ внутренней ея стороны; постоянно вѣдаются и съ философскими воззрѣніями; онѣ, какъ мы также видѣли, самостоятельны, а въ случаѣ зависимости ихъ отъ тѣхъ или другихъ источниковъ послѣдніе обыкновенно въ нихъ называются и проч. (см. у насъ выше)] и, какъ такія, онѣ, какъ мы и сказали, составляютъ собою эпоху въ исторіи науки Нравственнаго Богословія у насъ—въ Россіи. Онѣ положили начало новой разработкѣ послѣдней, что уже и отразилось въ извѣстной степени не только въ перечисленныхъ выше ученыхъ изслѣдованіяхъ, но даже и въ нѣкоторыхъ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ по данной наукѣ, обращающихся въ нашихъ духовныхъ школахъ... И дай Богъ, чтобы новое истинно-научное направленіе росло все больше и больше и распространялось все шире и шире!.. Дай Богъ, чтобы самъ юбиляръ здравствовалъ еще многіе и многіе годы и время отъ времени дарилъ насъ плодами своего многоопытнаго и глубокаго ума! Такія пожеланія,—мы увѣрены,—высказываютъ по его—юбилару—адресу всѣ его знающіе (или лично, или только по его трудамъ), — а мы, ученики его, конечно, въ особенности ²⁾.

Александръ Бронзовъ.

9 Октября
1899 г.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Въ октябр. книжкѣ „Хр. Чт.“ д. читать: на стр. 563, 7-я стрк. сл.: „б) изъ описанія“...: на стрк. 570, 14-я стрк. сл.: *нравственнаго ученія*...: 9-я стр. сл.: *требовавшія*...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки